

Т. Снегирёв
ЗДЕСЬ Я ЖИВУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · МАЛЫШ · МОСКВА 1986

Рисунки В. Дувидова

Какая у нас страна огромная! И пустыни, и тайга, и горы, и тундра, и северные моря, и южные.

И всюду живут люди. В тайге они охотятся на пушных зверей, в тундре пасут оленей, рыбаки уходят далеко от берегов и ловят рыбу в морях...

Чукча не променяет тундру на тёплые моря и леса. Туркмен вдали от дома будет тосковать по своим бескрайним пескам, потому что он здесь родился — это его родина.

Прочтите в этой книге рассказы ребят, которые живут в разных концах нашей страны, и вы поймёте, что всюду жить интересно: и в пустыне, и в тундре, и в тайге, и в горах.

Подумайте, что бы вы хотели рассказать про ваши родные места? В них так много удивительного, стоит только посмотреть вокруг внимательно.

Я ЛЮБЛЮ НАШУ СТЕПЬ

Я живу в поволжской степи.

Летом степь выгорает. Только в низинах зеленеют травы. Отец мой пастух. Я помогаю ему. Я — подпасок.

С нами пасёт овец собака Прибой.

Это её так мой отец прозвал, потому что раньше служил во флоте. Он часто рассказывает мне про Тихий океан, какие там высокие волны, какие рыбы водятся в океане. Он даже видел китов.

Когда отец рассказывает, я тоже хочу побывать на Тихом океане. Но я всё равно люблю нашу степь.

Жаворонки звенят в небе. И угод кричит: «Уп-уп-уп... уп-уп-уп...»

Я знаю, где гнёзда угодков, — в щелях по стенам оврагов. Когда угод распушит свой хохолок на голове, он похож на индейца.

Весной, когда мы гоним стадо домой на ферму, мы не спешим: пусть овцы как следует наедятся. А как залает Прибой, я сразу бегу к нему — это овца объягчилась. И если бы не Прибой, остался бы ягнёнок ночью в степи и его съели бы волки.

Я беру ягнёнка на руки и несу на ферму.

Дома нас ждёт мама. Она берёт ухват и вытаскивает из печки чугунок горячих вкусных щей.

Я еле успеваю доест, глаза у меня слипаются, я взбираюсь на тёплую печку и засыпаю.

В ТУРКМЕНИИ

Аул наш на самом юге Туркмении, в ущелье Копет-Дагских гор. Наши коровы с верблюдами пасутся недалеко от аула.

Когда коровы уходят в горы, дедушка Иоли посылает меня искать их.

Я знаю, куда они уходят. Они любят уходить в ущелье, где течёт ручеёк, а на берегу растут высокие серебристые чинары.

В ручейке живут крабы и лягушки. К ручейку надо подходить осторожно. И внимательно смотреть вокруг.

Коварная змея гюрза приползает сюда, чтобы глотать лягушек. Наестся она лягушек, свернётся и лежит, греется на солнышке. Пройдёшь мимо, не заметишь

её — мгновенно откроет пасть и ударит тебя острыми белыми зубами.

Ах, как жарко бывает днём! А когда зайдёт солнце, все звери идут на водопой. Вот следы дикобраза — пяточки, пальчики на сырой земле, как будто маленький ребёночек приходил.

А вот следы архаров — горных баранов. Из нашего аула, когда заходит солнце, на самом высоком хребте видно стадо архаров. Они стоят неподвижно среди больших деревьев арчи.

Коров домой я гоню другой дорогой. Там растёт дикий инжир. Он не такой сладкий и большой, как у дедушки в саду, зато он ароматный и вкусный.

Скоро зима, и кусты тамариска стали жёлтые, лиловые. А в синем небе парят огромные чёрные грифы.

Уже темнеет. Дедушка ждёт меня около дома.

Потом мы сидим на ковре, и я пью вкусный холодный чал — верблюжье молоко.

Солнце зашло, и далеко в горах закричал-захохотал сартлан — гиена. Страшен крик сартлана. Я знаю, что сартлан далеко в горах и не подойдёт к аулу, а страшно. Хорошо, что я успел пригнать коров до темноты.

НАД РЕЧКОЙ МЕРОЙ

Деревня наша стоит на бугре. А внизу речка Мера. Она впадает в Волгу.

Речка у нас быстрая, прозрачная.

Когда жарко, я выкопаю себе ямку на дне у самого берега и сижу в ней, спасаюсь от жары.

Вокруг синие стрекозы летают. Когда сидишь тихо, то стайка мальков подплывает к тебе, ты их разглядываешь. Окуньки похожи на матросов в тельняшках, а пескари пощипывают тебе пальцы на ногах.

Однажды я видел, как под берег в норку залезал маленький детёныш ондатры, только хвостик торчал,

сплюснутый по бокам. Я его мог за хвост вытащить и поймать, да испугался: вдруг он меня укусит?

За Мерой — сосновый бор. Там высокие сосны, руками нехватишь. И земли не видно, только белый мох и кустики черники.

Среди мха растут боровики как будто с шоколадными шляпками.

Вот сижу я на лавке у окна и жду своего друга Мишу Попова. Мы с ним собрались пойти в сосновый бор за Меру — набрать белых грибов.

Мы с Мишей давно дружим и учимся в одном классе.

Учительница Мария Ивановна говорит про Мишу, что он, когда вырастет, будет математиком, потому что у него всегда пятёрки по математике.

Миша мне говорит, что он не хочет быть математиком, а хочет быть геологом, чтобы побывать на Камчатке. Это он так говорит, потому что книжку прочёл про экспедицию геологов на Камчатке.

Я ему говорю:

— Да ты же лесником хотел быть!

— Мало ли что хотел, а сейчас не хочу.

— «Не хочу, не хочу...» А сам всё время говорил, что лучше наших лесов нету.

— Ну и что, — говорит Миша.

— А то, — говорю я ему, — езжай, езжай на Камчатку. Всё равно вспомнишь свою деревню, нашу Меру, вернёшься и будешь лесником.

МЫ ЖИВЁМ В САЯНСКОЙ ТАЙГЕ

Мы живём в посёлке, в Саянской тайге.

Мой отец охотник. Летом он ловит рыбу, а как ляжет первый снег — пеленовка, он уходит в тайгу. Ведь на снегу все следы видны. И соболиный, и беличий, даже маленькой мышки виден след.

Отец далеко в тайге срубил себе охотничью избушку. С лета завёз он туда на лодке по таёжной речке патроны, муку, сахар, чай... Всё, что нужно на долгую зиму.

Днём отец уходит далеко от избушки с нашей лайкой Топом. Топ бежит далеко впереди, распутывает звериные следы, принюхивается к ветру и по запаху узнаёт, на каком кедре притаился соболь.

Как начнёт темнеть, отец возвращается с добычей в избушку. А когда отец растопит печку, Топ уже знает: сейчас его будут кормить. Сидит и смотрит на отца.

Как сварится суп из глухаря, отец поровну разливает в миски Топу и себе. Потому что Топ такой же охотник, как и отец.

Наестся Топ, зевнёт, но в избушке спать не останется. Свернётся калачиком у двери на снегу, уткнёт нос в пушистый хвост, и всю ночь будет чутко дремать — караулить, чтобы медведь-шатун не подкрался к избушке.

Когда я вырасту, я тоже стану таёжным охотником, научусь узнавать звериные следы, быстро спускаться с сопки на широких лыжах и находить медвежьи берлоги.

В ФЕРГАНЕ

Мы живём в Ферганской долине. Отец мой распределяет воду из канала по арыкам, чтобы всем хватило воды.

Когда к нам приезжают гости с Севера, они удивляются, почему все ходят в жаркую погоду в толстых ватных халатах.

— Да потому, — говорим мы, узбеки, — что ватный халат от жары спасает, так же как у вас на Севере тёплая одежда спасает от холода.

В саду у нас растут инжирные деревья, абрикосы, персики, виноград. За садом ухаживает дедушка. Подрезает засохшие ветки, поливает водой из арыка дыни, ставит подпорки под ветви персиковых деревьев. А то когда персики поспеют, их так много, что ветки ломаются.

На ветках у дедушки развешаны клетки с перепёлками. Перепёлок у нас называют беданá. Клетки накрыты мешковиной. Как взойдёт солнце, бедана кричат: «Фать-фальвать! Фать-фальвать!

Дедушка перепёлок-беданá кормит изюмом и урюком.

Вечером дедушка берёт из клетки перепёлочку-беданá, сажает в рукав халата и идёт в чайхану.

В чайхане пьют чай и устраивают состязания перепёлочек-беданá. Наша перепёлочка часто побеждает других перепелов.

Весной, как прилетит угод с юга, тогда уже дедушка не ходит в чайхану и мы вместе со взрослыми всем классом идём сажать хлопок.

И осенью все чайханы пустые, никто не пьёт зелёный чай.

Мы тоже всей школой собираем хлопок — помогаем взрослым.

Хлопок складывают в огромные скирды. Скирды хлопка накрывают сверху брезентом — укутывают до самой земли от ветра и дождя, а то пойдёт дождь, и хлопок отсыреет.

НА ОСТРОВЕ СИМУШИР

Мы живём на Курильских островах, на острове Симушир.

Когда я ездил к бабушке в деревню за Калугу, она меня всё жалела: «Куда же вы забрались-то, на самый край земли, кругом там море да море».

А я не уеду с нашего острова. Видела бы она, как весной цветёт дикая вишня, все сопки белые. Водопады с гор гремят. Я хотел подойти к водопаду, да разве сквозь бамбук продерёшься.

В шторм высокая зелёная волна накатывает на берег, просвечивает на солнце и разбивается о песок. Следующая накатывает...

Как ветер утихнет и море успокоится, мы с ребятами собираем на берегу кальмаров.

Обратно возвращаемся короткой дорогой, карабкаемся по скалам. Чайки на нас так и кидаются сверху, кричат, вот-вот заденут крылом. Это они птенцов защищают. У них там гнёзда, в скалах.

Я приношу маме полведра кальмаров.

Мама смотрит в окно на море и вздыхает. Она ждёт отца. Отец у нас гарпунёр на китобойце «Шквал».

— Все китобойцы-то пришли, а нашего нет,— говорит мама.— Хоть бы ветер не налетел.

Мама боится, что ветер волну разгонит, начнётся в море шторм и все киты из Охотского моря уйдут через проливы в Тихий океан, где шторма нет.

Хоть китобоец и небольшой, но мама его замечает даже маленькой точкой в море.

— Скорее разжигай печку, скорей! Сейчас будем жарить кальмаров. Отец идёт.

Пока печка растопится, пока кальмары изжарятся, «Шквал» вот и подошёл к берегу.

Входит отец. В высоких сапогах, в штормовке. Хватает меня за руки и подкидывает.

Отец снял сапоги, брезентовую робу. Мама ставит на стол сковороду с жареными кальмарами, блюдо с черемшой и солёной морской капустой. Отец поест, напьётся крепкого чаю и рассказывает.

Мама его спрашивает:

— Что же вы так долго ходили?

— Что, что... «профессор» попался!

Отец так называет китов самых хитрых и умных. Только они такого кита догонят, он нырнёт и далеко сзади за кормой выныривает. Пока китобоец разворачивается, кит воздухом надышаться успеет и опять нырнёт. Попробуй его догони. Так и ныряет, пока не стемнеет или туман не ляжет на море.

Отец переодевается и идёт на китокомбинат. Потом он мне всё расскажет, что и маме не рассказывает, чтобы она не пугалась.

Я тоже с ним выхожу и бегу к морю.

Меня ребята на берегу бухты ждут бычков ловить.

У НАС В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Когда подъезжаешь к Баку, всюду, как журавли, стоят насосы — они выкачивают нефть из земли. И земля вокруг чёрная от нефти.

Много людей работает на нефтепромыслах. Да не только на азербайджанской земле нефть. Здесь даже в море, со дна морского, добывают нефть.

В обеденный перерыв войдёшь в столовую — там рабочие нефтепромыслов обедают. У всех руки чёрные от нефти — некогда их отмывать.

А Баку... Красивей города, наверное, нигде и нет. По берегу большого залива — парк. Яхты с белыми парусами плавают по заливу. На берегу залива — камен-

ная башня — высокая и очень древняя. На ней в старину всегда горел огонь.

Улицы широкие, красивые. А в старом Баку улочки узкие и крытые балкончики нависают над тротуарами.

К вечеру я еду к себе в аул. Я ещё успеваю зайти в нашу чайхану, в чайхане сидят старики и пьют крепкий чай. Чай у нас особенно вкусный, потому что чайханщик берёт воду из источника, который течёт с гор. Эту воду пьёшь и напиток не можешь, такая она вкусная.

Уже смеркается. Бесшумно летают летучие мыши и маленькие воробьиные сычики. В развалинах старой крепости сова-сплюшка кричит: «Сплю-сплю! Сплю-сплю!»

Большая оранжевая луна встаёт над морем, от неё широкая дорожка по воде. Так и хочется по ней побежать!

Я иду к морю. Издалека слышно, как в тростниках кричат древесные лягушки, как будто звенят тысячи колокольчиков. И так они будут звенеть до утра.

В заводях растёт водяной орех — чилим. Далеко надо идти, чтобы окунуться. Идёшь, идёшь, а вода тебе всё по колено.

Так и не дойдёшь до глубокого места, сядешь на дно и бултыхнешься. А чтоб не намочить рубашку и штаны, держишь их в вытянутой руке повыше.

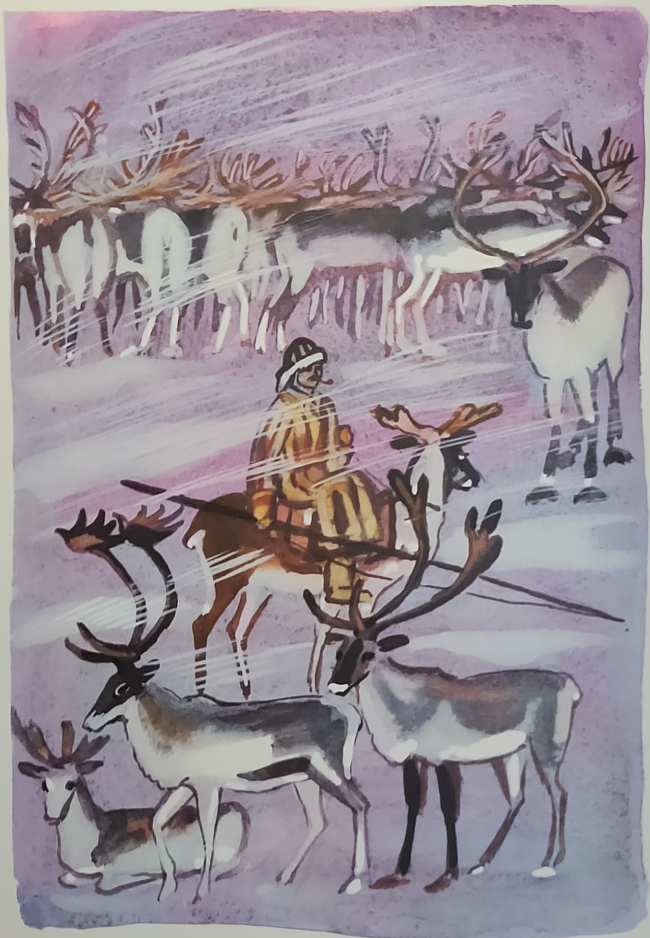
Возвращаюсь я тихонько по кабаньей тропе, пробитой в тростниках.

Прихожу домой. Мама уже ждёт меня, беспокоится.

— Ну что, опять в Баку ездили?

Я рассказываю ей про Баку, про старинную башню... Глаза у меня слипаются, я засыпаю и вижу во сне, как паруса далеко в море мелькают белыми пятнышками среди волн...

НА СЕВЕРНОЙ КАМЧАТКЕ

Мы живём на северной Камчатке. Мой отец оленевод, и мама тоже, и я оленевод.

Зимой мы пасём стадо в тундре Шибевээм. Стадо у нас большое — сотни оленей. Мы бы одни без наших собачек с ними не справились. Собачки маленькие и лохматые — оленегонные лайки.

Отец пригнал оленей издалека, из-за дальних сопок. Они там паслись. Олени выкапывают ямы в снегу такие глубокие, что ни рогов, ни передних ног не видно, и щиплют мёрзлый мох ягель.

Бывает, олень ляжет в снег и отстанет от стада — устал. Наши собачки начнут его покусывать, он вскочит и догонит стадо.

Отец тоже устал, потому что снег глубокий, выше пояса. Но у меня и отца есть широкие лыжи, подбитые коротким оленьим мехом — камусом. В них ни в какой глубокий снег не провалишься и на любую сопку взберёшься, потому что шерстинки топорщатся и назад не пускают.

Отец стоит около чума и смотрит, а собачки наши прогоняют всё стадо мимо. Оленей много, все они бегом бегут, хоркают на ходу и стучаются рогами.

Отец помнит каждого оленя.

— Эге,— говорит отец,— сорок оленей, однако, пропали!

Я уже видел пуночек, полярных воробьёв. Значит, скоро весна и наши олени пристанут к диким. Искать их сегодня уже поздно. Солнце зашло за горы. Закат красный, морозный.

А завтра мы своих оленей найдём по следам.

Скоро снег будет рыхлым, появятся ямки с талой водой и вернутся лебеди с юга.

И пускай вокруг снег, а в каждой ямке-проталине будет плескаться белый лебедь и дожидаться настоящей весны, когда в тундре расцветут жёлтые полярные маки, голубые незабудки, распустятся маленькие клейкие листочки у карликовых берёзок.

45 коп.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Геннадий Яковлевич Снегирёв

ЗДЕСЬ Я ЖИВУ

РАССКАЗЫ

Художник В. Дувидов

Редактор Т. Афанасьева. Удостоверенный редактор Н. Молчанова.
Технический редактор Н. Жигалова. Корректор Н. Шадрина.

И/К

Самое я набор 1/10 85. Подписки в печать 10.02.86, 08.05.86. Оф. № 1. Гарнитура литерат. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,5. Усл. кр.-ост. 14,0. Ул.-клет. = 2,53. Тираж 300 000 экз. Изд. № 9340. Заказ № 5633. Цена 45 коп.
По приглашению издательства «Малыш» 121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Калининский район. Трудовые
Красного Знамени полиграфический комбинат детской литературы им. 50-летия СССР. Удостоверенный Государ-
ственным издательством РСФСР 170800, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

С 4803010102—261 без обложки
М102 (83) — 96

© Издательство «Малыш» 1986